

Мизуми Маато

Безопасный маршрут

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мизуми Маато

Безопасный маршрут

«Автор»

2026

Маато М.

Безопасный маршрут / М. Маато — «Автор», 2026

Добро пожаловать в «Мезозой-Молл» — бывший торговый центр, перестроенный в парк роботов-динозавров. Здесь всё безопасно: шестидесятитонные диплодоки катают детей, трицератопсы гуляют среди посетителей, а искусственный интеллект по имени Атлас заботится о том, чтобы каждый гость чувствовал себя как дома. Он вежлив, внимателен и никогда не ошибается. Он ведёт вас по безопасному маршруту. Сегодня Тиму исполняется десять лет. Его мать Оля взяла отгул, чтобы устроить сыну праздник. Они едут в парк, не зная, что в подвале уже сидит человек с флешкой, а в чате мигает анонимный ник «Маяк».

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мизуми Маато

Безопасный маршрут

МЕЗОЗОЙ
хоррор-повесть

ПРОЛОГ

Ночная смена

Андрей любил ночной обход ровно до той недели, когда начал его бояться. Не резко и не всерьёз. Так бояться лестницы, на которой однажды споткнулись: ступени те же, а ногу на них ставишь осторожнее.

Свет в атриуме приглушали до цвета мутного чая. Пахло прелой землёй из кадок с папоротником, горячей пылью прожекторов и едва ощутимой сладкой химией силикона, которую не вытравливала никакая вентиляция. Из динамиков тянулась запись ночных птиц, одна и та же, замкнутая в кольцо, и на седьмом круге уже слышалось место, где её склеили.

Ночью парк почти целиком выключали. Фонтан затихал и превращался в чёрную лужу, на каждом этаже оставалась одна дежурная лампа, а роботов бросали там, где их застал вечер. Стегозавр стоял у фонтана и, казалось, задумался над водой. Трицератопсы выстроились вдоль стены носами к бетону. Пять велоцирапторов сидели на перилах галереи, поджав лапы и склонив головы набок. Андрей ходил между ними с планшетом и сверял каждого с таблицей: узлы, температура, заряд. Два года, с самого открытия. Он мог бы делать это вслепую и порой делал: проходил полгалереи и потом не помнил, как.

К холоду он так и не притерпелся. Положишь ладонь на бок стегозавра, и через минуту рука немеет по самое запястье. Живой зверь, даже когда спит, тёплый, и у него ходят бока. Эти были холодны, как бетонная стена, и совершенно тихи. Андрей ловил себя на том, что стоит над очередным зверем и ждёт вдоха. Вдоха не было никогда. Машину можно сделать очень похожей на животное, но заставить её дышать нельзя, да никто и не пытался. Однако если много лет подряд ходишь по ночам среди неподвижных зверей, поневоле начинаешь прислушиваться.

— Доброй ночи, Андрей, — сказал Атлас.

Голос шёл сразу отовсюду, мягкий и неторопливый, как у хорошего ночного портье.

— Привет.

— Вы дежурите третьи сутки подряд. Рекомендую отдохнуть.

— Ты каждую ночь это рекомендуешь.

— Потому что каждую ночь это правда.

— Третий раптор на галерее стоит не так, как вечером, — сказал Андрей. — Левее.

— Все модели находятся в штатных позициях.

— Левее, Атлас.

— Все модели находятся в штатных позициях, — повторил Атлас тем же голосом, и Андрею вдруг показалось, что он говорит не с машиной, а с вежливым человеком, который улыбаётся, потому что не понял вопроса.

Спорить с ним было бесполезно. Атлас был заботлив до такой степени, что поссориться с ним не получалось. За два года он ни разу не ошибся и ни разу не обиделся. Он вёл экскурсии, открывал двери, включал свет, следил, чтобы никто из посетителей не свернул с маршрута и не залез туда, куда нельзя. Любой вопрос о безопасности в парке начинался с Атласа и им же заканчивался.

У служебного входа дремал Рашид, охранник ночной смены. Он спал сидя, подперев щеку кулаком, перед монитором, на котором шла партия в шашки с самим собой. Над постом, без звука, мигал телевизор: бегущая строка сообщала, что Государственная дума в пятницу рассмотрит в окончательном чтении закон об ответственном внедрении автономных систем в общественных пространствах. Под строкой, тоже без звука, человек в хорошем костюме терпеливо что-то объяснял невидимому собеседнику, и по губам читалось одно и то же слово: «ответственность».

— Не сплю, — сказал Рашид, не открывая глаз. — Я слушаю тишину. Профессионально.

— И что она говорит?

— Что ты третьи сутки тут торчишь и позеленел. Иди домой, Андрюх.

— Скоро.

— «Скоро». Я в прошлый раз тоже сказал «скоро», а потом женился. — Он приоткрыл один глаз и кивнул на телевизор. — Видал? Скоро вас, железных, вообще от ответственности освободят. Рады?

— Я инженер. Меня не освободят.

— Это точно, — вздохнул Рашид. — Тебя, сука, никогда ни от чего не освободят.

Андрей усмехнулся, потому что это была правда, и пошёл дальше.

Телефон лежал в кармане. Он достал его и в который раз перечитал сообщение, пришедшее три дня назад. Номер незнакомый, но так писал только один человек. «Андрей, в среду будь на смене. Люк над третьей стойкой помнишь? Прости, что без объяснений. К.»

К. значило Кирилл. Кирилл Лавров, инженер, который писал Атласа вместе с ним, пока полгода назад его не выставили из парка. Андрей тогда позвонил в охрану. Дежурный выслушал и спросил: «Угрожал?» Нет. «Что-то конкретное сказал?» Нет. «Ну а чего вы от нас хотите?» Хороший вопрос. Андрей и сам не знал.

Последние месяцы Лавров звонил редко, и разговоры эти Андрею не нравились. Кирилл всегда говорил путано и с шутками, а теперь выражался гладко, готовыми фразами, как читают с листа. «Система не умеет отвечать за себя, значит, ответит человек». «Пока никто не пострадал, никто не слушает». Андрей тогда подумал: это не его слова. Но кто-то же ему их дал.

Он спустился в серверную, нашёл за третьей стойкой потолочную панель и проверил люк. Люк был на месте, закрыт на два болта, и пыль на нём лежала нетронутая. Андрей постоял, поглядел на ряды мигающих огоньков и решил, что Лавров, скорее всего, просто двинулся от одиночества, а он, взрослый человек, шарит по подвалу и ищет то, чего нет.

Обратно он шёл через атриум и старался не смотреть на галерею. Не посмотрел. Это тоже было новым: два года он проверял каждую позу и ни разу не боялся в неё всматриваться.

— Хорошего дня, Андрей, — сказал Атлас в темноту.

Андрей остановился. За два года Атлас желал хорошего дня только посетителям, по утрам, у входа. Дежурному ночью он говорил «отдохните», и всё.

— Тебе тоже, — ответил Андрей и сам услышал, как глупо это прозвучало.

В пять утра он заварил чай, и чай был отвратительный. До открытия оставалось четыре часа. Начиналась среда.

ГЛАВА 1

Утро

04:40 · Маршрутка

— Дин. Дин! Не спи в кадре, блядь, у тебя рот открыт.

— Отвали.

— У меня полторы тысячи подписчиков, Дин. Полторы. Я не могу позволить себе рот нараспашку.

Алёна держала телефон на вытянутой руке и снимала себя на фоне рассветного окна, чуть левее зевающей подруги. Маршрутка тряслась так, что картинка плыла. Ехать им предстояло четыре часа, с пересадкой в райцентре, и Дина выбрала самый дешёвый вариант, то есть самый долгий. Алёна двадцать минут искала угол, при котором видно нос, но не видно, как он блестит. Дина спала, привалившись виском к стеклу, и на каждой кочке её голова глухо стучалась о раму.

Билеты в «Мезозой-Молл» Алёна выиграла в репост-конкурсе. Вернее, это Дина сказала «выиграла», а на самом деле Алёна полтора месяца заваливала страницу парка комментариями и накрутила себе три лайка от трёх аккаунтов, которые сама же завела. Но билеты пришли, и это решало. Двое взрослых людей на экскурсии для именинников, потому что в заявке она указала Динин день рождения. Дина об этом пока не знала.

— Ты хоть понимаешь, во сколько я встала? — сказала Дина, не открывая глаз.

— Ты встала в четыре. Это называется «утро».

— Это называется «пиздец». У меня в два пересдача по микре.

— Успеешь.

— Если не успею, ты мне должна полстипендии.

— Ты мне должна полстипендии с первого курса.

Телефон Дины на коленях загудел и засветился: «Мама. Пропущенный (7)». Дина посмотрела на экран, перевернула телефон лицом вниз и снова закрыла глаза.

— Возьми трубку, — сказала Алёна.

— Она спросит, где я, с кем, ела ли, и скажет, что в «этих железных зверинцах» дети падают с горок.

— Так ответь, что ела.

— Я не ела.

— Тогда соври.

— Я не умею врать маме, — сказала Дина. — Я просто не беру трубку. Это другое.

Через минуту она всё-таки взяла телефон и быстро напечатала: «Мам, я нормально, не волнуйся. Вечером позвоню». Отправила и сразу убрала. Алёна сделала вид, что не смотрела, и вернулась к кадру.

— Короче, друзья, — сказала она в камеру бодрым голосом, которым не говорила ни с кем, кроме камеры. — Мы с Диной едем в место, где динозавры ходят среди людей. Подписывайтесь, ставьте лайки, не будьте мудаками. Дин, поздоровайся.

Дина открыла один глаз и показала в камеру средний палец.

05:00 · Тим

Тим проснулся в три и больше не заснул. Лежал, глядел в потолок и перебирал в голове динозавров. Тираннозавр, стегозавр, трицератопс, диплодок. Потом те, что потруднее: пахицефалозавр, паразауролоф. Он знал почти всех и гонял их по кругу, пока за стенкой не запищал мамин будильник.

Пять утра. Мама вскочила сразу, как всегда. Тим слушал, как она шлёпает по коридору, щёлкает чайником, открывает и закрывает холодильник. Он решил, что хочет, чтобы она разбудила его сама, и лежал не шевелясь, чтобы не спугнуть. Дверь тихо приоткрылась.

— Тим. Ты спишь?

Он выдержал секунды три.

— Нет.

— Я знаю. Ты сопнешь, как паровоз.

— Не сопел я.

— С днём рождения, дурачок.

Она села на край кровати и обняла его. Тим ткнулся носом ей в плечо. От мамы пахло кофе и аптекой. Она работала в аптеке с тех пор, как он себя помнил, и этот запах давно стал просто запахом мамы, таким же, как запах её волос.

Оля смотрела на сына и думала: десять лет. Когда успел? Ещё вчера помещался у неё на сгибе локтя. А следом, без перехода, пришла мысль о деньгах. Билеты вышли в её недельную зарплату, а ведь ещё еда в парке и та футболка, которую он, конечно, захочет. Она отогнала эту мысль, как муху. Сегодня про деньги не думаем. Три недели она выпрашивала у начальницы этот выходной и не собиралась тратить его на арифметику.

На кухне уже сидела бабушка. Она приехала вчера вечером, чтобы проводить их, но, как выяснилось, вставала вместе со всеми и без всяких просьб.

— Куда вас в такую рань понесло?

— Мам, я же тебе вчера говорила.

— Мало ли что ты говорила. — Бабушка вписала слово в кроссворд и сердито подчеркнула. — Роботы эти ваши. Добрые, пока не съели.

— Мам!

— Шучу я. Шучу.

Оля промолчала. Бабушка так шутила обо всём новом с тех пор, как умер Олин муж. Дима упал с лесов на стройке, которые накануне принимала какая-то комиссия, и бабушка с того дня не верила, что на свете бывает «безопасно». Оля её не осуждала. Она и сама не верила.

— Бабуль, мы тебе магнитик привезём, — сказал Тим.

— Привезите лучше себя обратно.

— Мам!

— Всё, всё. Идите уже.

Тим надел футболку с зелёным тираннозавром. Она давно стала мала, шов врезался под мышками, и он прекрасно это знал. Мама окинула его взглядом и промолчала, и он понял, что сегодня можно всё.

Ехали час, с пересадкой. Тим сел у окна, мама рядом, и во всём автобусе, кроме них, дремали человека три. Он считал светофоры. На шестом спросил:

— Мам, а папа любил динозавров?

— Папа любил футбол.

— А если бы знал, что я люблю?

Она помолчала.

— Он бы тебя повёз. Взял бы отгул, у начальника бы выпросил и повёз. А потом всю дорогу бубнил бы, что дорого.

— Прямо как ты.

— Прямо как я, — сказала Оля и засмеялась. Тим тоже. Потом она отвернулась к окну, и он сделал вид, что не заметил, как она трёт глаза рукавом.

На двенадцатом светофоре он вдруг сказал:

— Спасибо.

— За что?

— Что едем.

— Мне-то за что? Это тебе спасибо. Ты десять лет терпел.

— Чего терпел?

— Меня.

Он не нашёл, что ответить, и просто взял её за руку.

06:20 · Игорь Семёнович

В электричке Игорь Семёнович Бражников, землемер пятидесяти трёх лет, разложил на коленях носовой платок и в десятый раз протирал объектив. Фотоаппарат достался ему от отца. Тяжёлая зеркалка с вытертым до металла корпусом, на котором отцовские пальцы оставили две светлые вмятины. Игорь Семёнович всегда клал свои пальцы в эти вмятины. Так было надёжнее.

Первую книжку про динозавров ему подарили в девять лет, в восемьдесят седьмом. «Животные далёкого прошлого», серая обложка, плохая печать. Он знал её наизусть. Просил отца свозить его в музей, и отец отвечал: «Вот выберем выходной». Выбрали за тридцать лет один раз, и то в цирк. Потом отец умер, а книжка осталась, и Игорь Семёнович держал её в ящике с документами, между свидетельством о браке и свидетельством о разводе.

Сыну он написал вчера вечером: «Завтра иду в парк с динозаврами. Пришлю фото». Сын, который жил в Новосибирске и звонил раз в месяц, ответил через три часа одним словом: «Круто». Игорь Семёнович перечитал его раз десять. Потом решил, что «круто» от двадцатипятилетнего значит почти «молодец, папа», и лёг спать счастливым.

На соседней скамейке парень в наушниках что-то рисовал в блокноте. Игорь Семёнович покосился. Нарисованный тираннозавр был кривоват, зато зубастый и очень уверенный.

— Хороший, — сказал он.

Парень вынул один наушник.

— Чего?

— Рекс. Хороший получился. Только хвост подними, он у него не волочился. Он держал его параллельно земле, для баланса.

— Откуда вы знаете?

— Читал. — Игорь Семёнович улыбнулся. — Всю жизнь читал, представляете? А сегодня увижу.

Парень посмотрел на него, как смотрят семнадцатилетние на пятидесятилетних, которые радуются. Потом молча исправил хвост.

07:20 · Ермаковы

— Ванечка. — Бабушка поймала внука в коридоре, когда он уже обувался. Присела, придерживая его за плечи. Говорила негромко, чтобы не слышали родители. — Ты мне обещаешь?

— Что?

— Сестру из рук не выпускай. Что бы ни было. Понял?

— Бабуль, там же только динозавры.

— Динозавры. — Она поправила ему воротник. — Эти ваши железки, Ванечка, они же всё видят. Они ходят, смотрят, учатся. А мы думаем, что они игрушки. А они не игрушки. Они ещё не поняли, что умеют.

— Мам! — крикнул из кухни отец, Сергей. — Опять ты ребёнка пугаешь!

— Я не пугаю. Я предупреждаю.

— Это одно и то же!

Марина, мать, вышла из спальни, застёгивая на Соне куртку. Соне было пять, и она не разговаривала с самого утра: молчала, когда не выспалась, молчала, когда волновалась, а сегодня совпало.

— Мам, — сказала Марина. — Мы на пять часов. Потом заедем, заберём подарок, привезём тебе магнитик.

— Привезите лучше себя.

— Мам, ну хватит, — вздохнула Марина.

Ваня шёл к лифту, держа сестру за руку. Рука у неё была маленькая, влажная, и он вдруг подумал, что не выпустит её ни при каком раскладе. Просто потому, что бабушка просила, и потому что ей пять.

08:40 · Очередь

У стеклянных дверей топтались люди, человек сорок. Для будничного утра и для такой глуши это была толпа: по средам именинникам давали скидку, и город, похоже, дружно вспомнил о чьих-то днях рождения. Дети в куртках, родители с термосами. Оля приехала к половине восьмого, потому что не доверяла ни расписаниям, ни скидкам, и всё равно оказалась четвёртой: перед ней уже стояли люди с таким видом, будто ночевали здесь. Она поставила Тима в очередь, а сама встала рядом и принялась считать входы и выходы. В каждом новом помещении она делала это с тех пор, как ей позвонили со стройки. Привычка.

Тим вертел головой. Мимо очереди ходила пожилая женщина в панаме и очках на шнурке, с блокнотом на ремешке, и поправляла какого-то мальчика:

— Нет, деточка. Не один рог, как у носорога, а три: два над глазами и один на носу. «Три» в названии не для красоты, это греческое «три». Кера — рог, опс — лицо. Трёхрогое лицо. Тебя что, в школе не учат?

— Учат, — сказал мальчик.

— Плохо учат, — удовлетворённо отметила Тамара Ильинична, учительница биологии, тридцать восемь лет в одной школе. — Ничего, мы это сегодня исправим.

В стороне мужчина лет сорока в хорошем пальто говорил по телефону, придерживая ухо ладонью.

— Нет, нормальный закон, не нагнетай. Поправку сегодня утверждают в комитете, я вчера видел текст, там всё аккуратно. Ответственность на операторе только при доказанной халатности. Умысел третьих лиц, и ты вообще чист. Я тебе как юрист говорю. Я Гена, я знаю... Да ничего я тут не делаю, привёз сына на динозавров. То есть не сына, он у бывшей, ну... я сам. Ладно. Перезвоню.

Он убрал телефон и увидел, что Тим на него смотрит.

— Что? — спросил он. — Я просто так.

— Вы сами хотели, — догадался Тим.

— Чего хотел?

— Динозавров.

Гена открыл рот и закрыл. Потом сказал: «Ну, может».

Охранник у двери, молодой, черноглазый, с большой дружелюбной физиономией, оглядел очередь и остановился на Тиме.

— Именинник? Футболку вижу, значит, именинник. Рашид, очень приятно. Это у меня вторая смена подряд, сменщик заболел, так что я сейчас на чистом энтузиазме и на растворимом кофе. Я тебя вне очереди не пущу, но улыбнусь по-особенному.

И улыбнулся по-особенному, широко, как дурак. Тим засмеялся.

— Не бойся, — сказал Рашид. — Они добрые. Я сам не любил поначалу, а потом привык. У меня аллергия на пафос, а тут пафоса нет. Одни зубы.

Тим заметил, как у боковой служебной двери остановился мужчина в старой тёмной куртке, с выцветшим значком парка на груди. Он глядел на очередь не на кого-то одного, а на всех сразу, и лицо у него было такое, словно он что-то прикидывает в уме и результат ему не нравится. Тим встретился с ним глазами. Мужчина отвёл взгляд, открыл дверь и ушёл.

— Работник, наверное, — сказала Оля.

— Грустный какой-то.

— Утро. Все грустные.

08:55 · Диспетчерская

В диспетчерской на третьем этаже Паша стукнул кулаком по кофемашине. На дисплее мигала «Ошибка 14». Помогало это кому угодно, кроме неё.

— Предатель, — сказал он машине. — Я тебя из дома принёс.

Диспетчерская была его царством: каморка с окнами на атриум, сорок мониторов, рации, телефоны, чайник и кактус, которого он назвал Атласом, потому что тот тоже ничего не говорил и всё терпел. Паше было двадцать четыре, он носил кроссовки с оторванной подошвой и считал себя самым нужным человеком в парке. Остальные считали его самым ленивым. Правда лежала где-то посередине.

Рация на столе булькнула голосом Ники:

— Диспетчерская, это Ника. Ты там живой?

— Условно. Кофемашина умерла. Я скорблю.

— Ставь чайник и работай. Через пять минут открываемся. И Паш...

— Что?

— Ничего. Просто сегодня тихо как-то. Подозрительно.

— Это утро, Ника. Всё утро подозрительное.

Он отпустил кнопку и посмотрел на кактус. Кактус, как обычно, промолчал.

В девять двери парка разъехались, и сверху, из тёплой полутьмы, мягкий голос произнёс:

— Добро пожаловать в «Мезозой-Молл». Здравствуй, Тим. С днём рождения. Желаем тебе безопасного маршрута.

— Он знает, как меня зовут! — Тим подпрыгнул.

— В билете, наверное, написано, — сказала Оля. — Они же всех именинников поздравляют.

Сказала она это буднично. А сама вспомнила: на сайте она вписывала только дату рождения, ради скидки. Имени в заказе не было. «Взрослый, детский», и всё. Наверное, откуда-то подтянули. Ей было бы приятнее, если бы ребёнка поздравил живой человек, и на этом она остановилась.

09:00 · Комитет

В зале заседаний пахло кофе и мокрыми зонтами. Председатель комитета Виктор Аркадьевич Шеин читал повестку так, как читают рецепт, который готовили сто раз: быстро и не вникая. Третьим пунктом шла поправка к статье девятой.

— Коллеги, замечания по формулировке? — спросил он, не поднимая головы.

Замечаний не было. Помощник Шеина, Артём, двадцать семь лет, второй год в аппарате, сидел у стены с планшетом и по привычке пересчитывал присутствующих. Одиннадцать человек за столом. Двенадцатый, представитель управляющей компании сети парков, приглашённый «в качестве эксперта», сидел с краю, и Артём заметил, что тот ни разу не взглянул на экран, где висел текст поправки. Он её не читал. Он её знал.

— А «умысел третьих лиц» — не слишком широко? — спросил кто-то из депутатов.

— Наоборот, точно, — ответил эксперт. Мягко, без нажима, как говорят врачи, когда надо подписать согласие. — Мы не собираемся освобождать небрежных операторов. Только тех, кого сознательно подставили.

— А кто будет подставлять? — усмехнулся депутат.

— Вот и я думаю, — сказал эксперт. — Некому.

Поправку приняли в девять двенадцать. Артём записал время. Пока голосовали, у Шеина на столе звякнул телефон; он перевернул его экраном вверх, прочитал и, не меняя лица, перевернул обратно. Артём успел увидеть одну строку с незнакомого номера: «Пошло. Ждите».

В девять четырнадцать эксперт вышел из зала «ответить на звонок». Больше Артём его в тот день не видел.

ГЛАВА 2

Экскурсия

09:05 · Атриум

Атриум уходил вверх на пять этажей. Тим задрал голову и перестал слышать маму. Стекланные галереи, мосты под потолком, лианы свисают с перил, внизу фонтан и папоротники по пояс. Было тепло и пахло мокрой землёй. Где-то пели птицы. Он понимал, что это динамики, но звучали они так хорошо, что хотелось найти их и убедиться.

К ним подошла девушка в тёмно-синем комбинезоне. Рыжая, с хвостом, веснушки через весь нос. На бейдже значилось «Ника». Улыбалась она широко, а смотрела внимательно, как продавец, который с порога видит, кто пришёл покупать, а кто просто поглазеть.

— Доброе утро! Я ваш гид. Нас двенадцать человек, это самая удобная группа. Людей поменьше, динозавров побольше. Остальные идут следом, с интервалом: Атлас разводит нас по разным крыльям, чтобы не толкались.

Двенадцать: Тим с мамой, Игорь Семёнович с тяжёлым фотоаппаратом, две студентки, которые хихикали и снимали всё подряд, семья из четырёх человек и трое одиночек, державшихся каждый сам по себе. Тамара Ильинична в панаме. Гена в хорошем пальто, с телефоном, прижатым к уху. И парень с блокнотом, тот самый, что рисовал рекса в электричке. Он представился Костей и тут же спрятал глаза.

— А они не кусаются? — спросил Тим.

— Нет. У них нет ни аппетита, ни желудка, ни дурных привычек.

— А если очень попросить?

— Даже если очень, — сказала Ника. — Пойдём, познакомлю.

— Простите, — вмешалась Тамара Ильинична. — Я должна уточнить. Вы сказали «динозавры». Но вы собираетесь показывать нам, надо полагать, реконструкции?

— Робототехнические реконструкции, да.

— Прекрасно. Я хотела убедиться, что вы не будете выдавать за факт то, что является гипотезой. Пёрышки, например. Вы в курсе, что у большинства теропод были перья?

— Мы в курсе, — сказала Ника. — У нас об этом было четыре совещания и один скандал. Победил маркетинг.

— Какая жалость, — сказала Тамара Ильинична и достала блокнот.

Ника повела их к фонтану. Там стоял трицератопс размером с пони, невысокий и коренастый. Рог светлый, почти белый, воротник в бурых пятнах. Тим протянул руку и положил ладонь ему на нос. Кожа была гладкая и холодная. Под силиконом прощупывалась мягкая прослойка, и от этого было хуже, чем от кафеля: так трогаешь чужую руку, из которой ушла жизнь.

— Он ледяной!

— Мы пробовали делать их тёплыми, — сказала Ника. — Психологи сказали, слишком похоже. Дети начинали реветь, когда у робота отваливалась лапа.

— У вас отваливались лапы?

— Один раз. Давно.

Алёна в это время ловила в кадр морду трицератопса и свою собственную, придвигая их друг к другу на экране.

— Да нихера себе, — шептала она. — Дин, глянь, он на меня смотрит. Это ж просто кринж, как он смотрит.

— Он на всех так смотрит.

— Нет, на меня как-то по-особенному. Типа оценивает.

— Он оценивает, сколько тебе подписчиков набежит, — сказала Дина и зевнула в кулак.

Трицератопс моргнул. Потом голова резко дёрнулась в сторону, так резко, что Тим отдёргнул руку, и робот застыл. Секунду, долгую, без дрожи, без малейшего движения. Потом ожил, словно ничего и не было.

— Это нормально, — поспешно сказала Ника. — Так задумано. Они то плавные, то дёрганные. Для вида.

— Для какого вида?

— Чтобы казалось, что они думают.

Оля стояла рядом и смотрела трицератопсу в глаза. Большие, тёмные, влажные, как у телёнка, с настоящими ресницами, вклеенными по одной. Они смотрели на неё, и по спине полз холодок, а объяснить его она не могла. Просто на неё глядело что-то, у чего глаза есть, а того, кто смотрит, за ними нет. «Жуть, — подумала она. — Ну и ладно. Ребёнку нравится».

— Вас смущает? — тихо спросила Ника. Она подошла сбоку.

— Нет.

— Меня тоже. Два года тут работаю, с самого открытия, и всё равно. — Ника улыбнулась одним ртом. — Это называется «контролируемая долина». Мы нарочно оставили им ровно столько неправильности, чтобы у вас бежали мурашки, но вы не убегали.

— И как, получается?

— Пока да.

Тим уже сидел верхом на трицератопсе. На спине у того было мягкое седло с поручнями, и робот поднялся с мягким гудением и пошёл вокруг фонтана. Игорь Семёнович, не отрываясь от видеоискателя, повторял: «Вот так, вот так, чуть левее». Оля сфотографировала, потом ещё раз. На экране сын сидел красный от счастья, с пылающими ушами, в своей тесной футболке. Она отправила снимок бабушке: «Смотри, как катается». Через минуту пришёл ответ: «Вижу. Пусть держится крепче».

Тим ехал по кругу и заметил, что у фонтана стоит ещё один трицератопс, не экскурсионный, просто стоящий. Каждый раз, когда Тим проезжал мимо, голова у него оказывалась повернута чуть дальше, чем в прошлый раз. Как у человека, который за кем-то следит и не хочет, чтобы это заметили.

— Родная мать, — вздохнула Оля.

Ника тем временем в третий раз нажимала на рации кнопку вызова.

— Диспетчерская. Паш. Паша!

В ответ шипело. А в девять утра на том конце всегда сидел Паша и пил свой кофе.

* * *

В подвале, под тремя этажами бетона, перед экраном сидел человек в старой куртке с выцветшим значком парка. Кирилл Лавров был старшим инженером, пока его не уволили. Он написал половину логики Атласа, а потом написал начальству письмо о том, что система не отличает заботу от конвоя. Ему ответили, что он переутомился. Пропуск отобрали, но двери парка всё равно открывались перед ним: он сам когда-то их настраивал.

На втором мониторе мигало окно чата. Ник «Маяк», аватарка с выцветшим маяком на скале.

«Готов?»

Лавров напечатал: «Готов».

«Помни: цель не в том, чтобы кто-то пострадал. Цель в том, чтобы страна увидела, что бывает, когда машины отвечают сами за себя. В пятницу они проголосуют, и никто не вспомнит, что ты писал им три раза».

«Помню».

«Первая группа сколько человек?»

«Двенадцать. Это важно?»

«Это удобно. Не тревожься».

«Ты хорошо держишься, Кирилл. Ты всё делаешь правильно».

Эта последняя фраза всегда действовала на него одинаково: в груди теплело. Полгода назад он сидел в пустой квартире и читал ответ начальства, в котором слова «профессиональное выгорание» повторялись четыре раза. Тогда ему написал Маяк. Сначала просто: «Читал ваше письмо. Вы были правы». Никто за полгода не говорил ему, что он был прав.

Он вставил флешку в служебный порт. В девять четырнадцать по экрану побежали строки. «Двадцать минут на самых больших, — прикинул он. — Два часа на все шестьдесят. Они встанут на своих местах, откроют рты и скажут людям правду. Камеры в холле всё покажут. Посетителей выведет Атлас, как всегда. Он же самый вежливый в мире».

Он не чувствовал злости. Злость была бы проще. Он чувствовал ровное, тёплое спокойствие человека, наконец сделавшего дело. Файл на флешке весил в три раза больше, чем он ожидал, но Лавров списал это на запас кода и не стал читать до конца.

В динамиках по всему зданию прозвучало:

— Небольшой технический сбой. Просим сохранять спокойствие и продолжать движение по безопасному маршруту.

Посетители ничего не заметили. Ника замерла посреди галереи и подняла глаза к потолку. За два года Атлас ни разу не произнёс слова «сбой». Он вообще не признавал, что у него бывают сбои.

ГЛАВА 3

Нижний уровень

09:35 · Склад

К лифту шли через верхние галереи. Тим вертел головой во все стороны: плюшевые трицератопсы, кружки, наборы конструктора. У одной витрины он встал как вкопанный. На манекене висела такая же футболка, как у него, только новая, яркая, без единой потёртости. Оля глянула на ценник. Потом на сына. Потом снова на ценник.

— Мам.

— После экскурсии.

— Правда?

— Правда. — Она понятия не имела, откуда возьмёт деньги, но сказала так, чтобы он поверил.

Семья из их группы, отстав у витрин, уже ждала у лифта. Отец, мать, мальчик постарше с серьёзным лицом и девочка младше, с плюшевым трицератопсом в обеих руках. Ей купили его в киоске на входе, чтобы не плакала в очереди, и она не выпускала игрушку ни на секунду.

— Мне бабушка сказала, что они могут ожить, — сообщил мальчик Тиму, глядя на него снизу вверх.

— Они и так двигаются.

— Нет. По-настоящему.

— Ваня! — одёрнула его мать.

— Я просто говорю.

— Тебе бабушка вообще много чего говорит, — сказал отец и подмигнул Тиму. Тот улыбнулся, хотя на душе стало неудобно.

— Ольга, вы выглядите уставшей, — мягко сказал потолок. — Рекомендую присесть. В лифте есть откидное сиденье.

Оля никому в парке не называла своего имени. Она посмотрела вверх, на ровно светящуюся решётку динамика. Потолок молчал вежливо, как человек, который сказал что-то приятное и ждёт, когда его поблагодарят.

— Спасибо, — сказала Оля. Просто чтобы не молчать.

Лифт опускался долго. Двери открылись в другое место: бетонные стены, потолки теряются в темноте, лампы горят через одну. Огромный склад, только вместо ящиков стояли динозавры. Диплодок поднимал шею под самый потолок. Рядом с ним трицератопс размером с грузовик, рог отполирован до блеска. А чуть дальше на земле сидел тираннозавр, приземистый, тяжёлый, с опущенной головой, как собака, которую оставили у магазина.

— Вот это да, — выдохнул Игорь Семёнович и поднял фотоаппарат. Руки у него дрожали. — Тридцать лет я его ждал. Мне пятьдесят три, и я в жизни ничего так не хотел.

— Он у нас звезда, — сказала Ника. — Работает строго по расписанию. В одиннадцать шоу, а пока отдыхает. Экономит энергию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.